

Научная статья

УДК 39(=571)

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-2/128-136>

Образы дочери, сестры, невесты в нивхском фольклоре (по материалам текстов в литературной обработке В.М. Санги)

Мария Алексеевна Шитина¹, Елена Олеговна Кириллова²

¹Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация

²Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Владивосток, Российская Федерация

¹ Бакалавр, shitina.ma@dvfu.ru

² Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы;
старший научный сотрудник центра истории культуры и межкультурных коммуникаций,
kirillova.eo@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4512-8951>

Аннотация. Фольклор – неотъемлемая часть культурного наследия народа, отражающая его мировоззрение, традиции и ценности. Нивхи (устар. рус. – гиляки) – малочисленный коренной народ в России, живущий в низовьях реки Амура и на острове Сахалине. Нивхский фольклор, будучи богатым источником мифов, легенд и сказок, обладает своеобразными чертами. Женские образы нивхского фольклора, отражающие традиционные социальные роли и душевные качества женщин, имеют символические черты. Они связаны с традициями народа и вместе с тем оказывают влияние на современную культуру нивхов. В статье рассматриваются образы дочери, сестры, невесты в мифах, легендах, героическом эпосе нивхов на материале текстов т'ылгугов и настундов из сборника В.М. Санги «Легенды Ых-мифа».

Ключевые слова: образы дочери, сестры, невесты, женские образы, нивхский фольклор, этнография, В.М. Санги

Для цитирования: Шитина М.А., Кириллова Е.О. Образы дочери, сестры, невесты в нивхском фольклоре (по материалам текстов в литературной обработке В.М. Санги) // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 2. С. 128–136.

Original article

Images of daughters, sisters, brides in Nivkh folklore (based on materials of texts in literary rendition by V.M. Sangi)

Maria A. Shitina¹, Elena O. Kirillova²

¹Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

²Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation;

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

¹ Bachelor Student, shitina.ma@dvfu.ru

² Candidate of Philological Sciences, senior lecturer of the Department of Russian Language and Literature; senior research associate of the Center for Cultural History and Intercultural Communications, kirillova.eo@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4512-8951>

Abstract. Folklore is an integral part of the cultural heritage of any nation, reflecting its worldview, traditions and values. The Nivkhs (Gilyaks) are a small indigenous people in Russia. They live in the lower reaches of the Amur River and on Sakhalin Island. Nivkh folklore, being a rich source of myths, legends and fairy tales, stands out among the cultural traditions of the peoples of the North and Far East of Russia and serves as an object of research. An important component of this folklore are female images, which embody not only traditional roles and qualities of women, but also deep symbolic meanings. The study of female images in Nivkh folklore contributes to a deeper understanding of gender roles and representations in traditional Nivkh society and also reveals the influence of these representations on contemporary Nivkh culture. In this connection, the present study aims to research and describe the images of daughters, sisters and brides in Nivkh myths, legends, and heroic epic, for which purpose the authors resort to analyzing female images in the texts of t'ylgur and nastunds from V.M. Sanghi's book «Legends of Yikh-Myth».

Key words: images of daughters, sisters, brides, female images, Nivkh folklore, ethnography, V.M. Sangi

For citation: Shitina M.A., Kirillova E.O. Images of daughters, sisters, brides in Nivkh folklore (based on materials of texts in literary rendition by V.M. Sangi). *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 2, pp. 128–136. (In Russ.).

Фольклор, как квинтэссенция коллективной памяти и культурного опыта народа, является бесценным источником для понимания его мировоззрения, ценностных ориентаций и социальной структуры. Для малочисленных народов, таких как нивхи, чья традиционная культура на протяжении XX века подвергалась значительным трансформациям, фольклорное наследие приобретает особую значимость, выступая не только хранилищем архаичных представлений, но и важным фактором сохранения этнической идентичности. Нивхский фольклор, богатый мифами, легендами и сказками, занимает особое место среди этнических культур народов Севера и Дальнего Востока России и привлекает исследователей на протяжении XX–XXI вв. [2, 7, 8].

В литературной обработке известного нивхского писателя и этнографа Владимира Михайловича Санги (1935, стойбище Набиль, Ногликский р-н, о. Сахалин) женские образы приобретают новую интерпретацию, сохраняя при этом свою культурную и этническую аутентичность. В своих произведениях писатель не только сохраняет уникальные черты и колорит нивхской культуры, но и адаптирует их для современного читателя, что делает его работы важным мостом между прошлым и настоящим. Работа Владимира Михайловича представляет собой значительный вклад в изучение фольклора нивхского народа, проживающего на Сахалине. Являясь представителем этого малочисленного народа, сохраняя в своём мировосприятии традиционную культуру, В.М. Санги обладает уникальной перспективой осмысления национальных этнических процессов, а также глубоким пониманием внутренней структуры и значения нивхского эпоса.

Цель настоящего исследования – проанализировать образы дочери, сестры, невесты в мифах, легендах, а также героическом эпосе нивхов. Достижению поставленной цели способствует **решение следующих задач**: исследовать литературу, посвящённую осмыслению нивхского фольклора, изучить тексты т'ылгуров и настундов из сборника на предмет наличия и функционирования в них женских образов. Т'ылгур – это группа жанров, в которую входят мифологические рассказы, предания и шаманские легенды. Настунд – жанр героических поэм; повествование носит импровизированный характер и исполняется шаманами в особой мелодичной манере. В числе задач обозначим выделить тексты, содержащие женские образы, и охарактеризовать частотные типы, проанализировать женские архетипы и символику в нивхских мифах и легендах, представленных в сборнике, сделать выводы об устойчивости выделенных образов.

В данной статье мы обратимся к анализу образов дочери, сестры и невесты в нивхском фольклоре, представленном в литературной обработке В.М. Санги. Изучение репрезентации женских образов, в частности дочери, сестры, невесты, в фольклорных текстах, обработанных им, представляется важным для понимания специфики нивхской семейной модели, роли женщины в традиционном обществе, а также для выявления устойчивых культурных архетипов. Именно поэтому **материалом для исследования** был выбран сборник писателя «Легенды Ых-мифа» [5]. Эта книга включает в себя адаптированные для широкого читателя мифы, легенды и сказки, собранные самим автором. Сборник «Легенды Ых-мифа» обладает большой ценностью для исследователей, поскольку не только сохраняет для потомков оригинальные тексты и сюжеты, но и передаёт их через призму литературного таланта Владимира Михайловича, что позволяет глубже проникнуть в мир нивхской мифологии и лучше понять культурные коды и символы этого народа.

Легенды и мифы из сборника В.М. Санги записаны и обработаны на севере Сахалина и соответствуют восточно-сахалинскому диалекту нивхского языка. Об этом свидетельствует в том числе сделанный анализ лексики. Мы сопоставили его с амурским (материковым) диалектом, носителем которого является Ч.М. Таксами, советский и российский этнограф, учёный-северовед, нивховед, составитель первого русско-нивхского и нивхско-русского словаря [6]. Полученные нами результаты дополнительно свидетельствуют о том, что сборник «Легенды Ых-мифа» относится к ценному (аутентичному) материалу для изучения нивхского фольклора – в островном варианте.

Исследование женских образов в нивхском фольклоре на основе сборника В.М. Санги «Человек Ых-мифа» позволило углублённо рассмотреть культурные и социальные аспекты,

отражённые в устном народном творчестве нивхов. В процессе работы было выявлено, что женские образы в нивхском фольклоре представляют собой многообразие ролей и функций, которые они выполняли в традиционном нивхском обществе. Женские образы разнообразно представлены в фольклоре нивхов и обладают множеством схожих черт. Женщины в нивхском фольклоре характеризуются независимостью и силой, способностью самостоятельно преодолевать выпавшие на их долю испытания. В то же время они глубоко уважают и почитают традиции и своих близких. Образы нивхских женщин наделены необычайной красотой и мудростью, что отражает древние представления о них как о потусторонних существах.

В рамках данного исследования первостепенное внимание уделяется образам дочери, сестры, невесты, репрезентированным в нивхском фольклоре. Специфика рассматриваемого типа заключается в частой синкретичности образов дочери и сестры, поэтому анализировать их по отдельности не имеет смысла. Заслуживает обращения также и образ невесты.

Образы дочери, сестры, невесты в нивхском фольклоре сохраняют анонимность, их имена почти не упоминаются, однако это не умаляет их значимости. Дочери, сёстры, невесты могут выступать в функции как героя, так и волшебного помощника, что открывает широкие возможности для анализа.

В функции героя рассматриваемый тип дочери и сестры представлен в двух т'ылгурах и одном настунде: «Как красавица хотела уйти от людей», «Девушка и вехран», «О Буктакане». В двух указанных т'ылгурах разворачиваются бытовые сюжеты, где женские персонажи наравне с мужскими подвергаются испытаниям, демонстрируя при этом смекалку и самостоятельность. В т'ылгуре «Как красавица хотела уйти от людей» героиня, наделённая гордостью, проявляет автономию, отвергая брачные предложения и покидая социум, при этом воля дочери не встречает сопротивления со стороны родителей: *«А женихи стали наезжать один за другим. Говорили с отцом, с матерью. А красавица не желала никого видеть. Родители же так любили свою дочь, что не могли перечить ей <...> “— Отец-мать, мне надоели люди. Я никого не хочу видеть. Уйду я туда, куда ничья нога не знает дороги”. Заплакали отец и мать, но и здесь не могли они перечить гордыне дочери»* [5, с. 70]. Акцентируется гордыня героини, что может интерпретироваться как порицание данной черты в контексте традиционных социальных норм. Преодоление испытания, связанного со злым милком (вредоносным злым духом), осуществляется благодаря смекалке героини. Таким образом, текст, фиксируя определённую самостоятельность женского выбора, вместе с тем транслирует архаические представления о женском поведении, где непокорность и гордыня не поощряются.

Образ младшей сестры в т'ылгуре «Девушка и вехран» также обнаруживает черты, характерные для рассматриваемого типа. Сёстры представлены как самостоятельные героини, ведущие вместе быт. Отсутствие в тексте упоминания родителей может указывать на проявление архаического мотива сиротства, типичного для инициационных сюжетов. Т'ылгур представляет особый интерес в аспекте репрезентации сестринских образов: младшая сестра выступает в роли героя, совершающего подвиг (убийство злых духов), старшая сестра – как волшебный помощник и наставник [3, с. 91]. Так, старшая сестра является во сне младшей, сообщая стратегию по борьбе с вехран: *«Пока он летал, наша девушка уснула и видит такой сон. Старшая сестра говорит ей: “— Сестра моя, не будь женой людоеда. Не плоди людоедов, их и так много на земле. Отбери у вехран шкуру людоеда, сожги её. И людоед без своей шкуры не сможет жить на земле и умрёт от разрыва сердца”»* [5, с. 75]. Примечательно, что героиня наделена

как позитивными (сила, смекалка), так и отрицательными качествами. Подобно предыдущему т'ылгуру, именно отрицательные черты (в данном случае – любопытство и непослушание) становятся движущей силой сюжета и определяют морально-дидактическую направленность повествования. Если героиня т'ылгура «Как красавица хотела уйти от людей» наделена гордыней, то младшая сестра в «Девушке и вехр» проявляет любопытство, игнорируя совет старшей, что провоцирует её столкновение с вехр.

Особое положение в рассматриваемой типологии занимает настунд «О Буктакане», отличающийся от т'ылгуров «Как красавица хотела уйти от людей» и «Девушка и вехр». В отличие от героинь, изначально наделённых автономией, дочь старейшины в «Буктакане» обретает самостоятельность постфактум, в результате трагических обстоятельств, а не в силу собственного желания. В экспозиции настунда подчёркивается ограничение свободы героини, подчинённой патриархальной воле отца: *«Девочка никогда не выходила из своего дома. Не пускал отец. Она видела только своих родителей и то лишь тогда, когда они входили к ней <...> Так она росла и стала взрослой»* [5, с. 145]. Настунд примечателен совмещением функций героя и помощника в рамках одного повествования (трансформация дочери в мать). Отметим также наличие архаического мотива чудесного зачатия [4, с. 70–73], обнаруживающего параллели в культурах различных народов. Героиня становится матерью в результате двукратных сновидений с чудесным мужчиной, предположительно, принадлежащим к категории «Хозяев» Ых-мифа. Сын героини, обладающий богатырской силой, демонстрирует мифологический мотив быстрого взросления и, достигнув зрелости, реализует себя в героических подвигах, что типологически соотносится с образами героев-полубогов, таких как Геракл в греческой мифологии [1, с. 137–173].

Наряду с функцией героя, тип дочери-сестры представлен в нивхском фольклоре и в роли волшебного помощника, что зафиксировано в четырёх текстах. Несмотря на сохранение выраженных личностных черт, в данной типологической разновидности прослеживается усиление патриархальной доминанты: героини демонстрируют почтение к отцу и беспрекословное подчинение его воле, что проявляется на бытовом уровне повествования. В т'ылгурах дочери, как правило, выполняют хозяйственно-бытовые функции, в частности обеспечивают героя пищей, занимая при этом небольшое положение в пространстве дома, чаще всего угол: *«Вошёл юноша в шалаи и увидел: посредине стоит низкий столик, заставленный всякой пищей, а в углу сидит девушка, которая окликнула его в лесу <...> А девушка улыбается доброй улыбкой и ничего не говорит»* [5, с. 101]. Данный фрагмент иллюстрирует чёткое гендерное разграничение ролей. В качестве рассматриваемого типа нередко выступают дочери божеств. Указанная роль реализуется в трёх текстах.

В продолжение анализа образа дочери в нивхском фольклоре обратимся к репрезентации дочери доброго духа, которая фигурирует в настунде «Человек Ых-мифа». В данном тексте прослеживается мотив оборотничества, реализующийся в появлении девушки перед героем в образе мухи. В рассматриваемом настунде данный мотив обусловлен пограничным характером образа, аналогично проанализированному ранее настунду «О Буктакане», где также фиксируется переход от статуса дочери к статусу жены. Акцентируется исключительная красота героини и её благородное происхождение, на что указывает деталь одежды – *«х'ухт с богатым орнаментом по краям полы»* [5, с. 174]. Особенностью данного образа является необычный контекст встречи персонажей: дочь доброго духа, принявшая облик мухи, должна

была сообщить мальчику о его происхождении, однако попадает в паутину и нуждается в помощи. Герой выступает спасителем, освобождая муху от опасности, что принципиально отличает данную ситуацию от предыдущего т'ылгура. В «Человеке Ых-мифа» героиня одаривает мальчика в благодарность за спасение: *«Женищина подошла к мальчику, расчесала ему волосы, заплела в одну косу, одела в одежду из кожи невиданной рыбы. — Это тебе в благодарность, человек, ты спас мне жизнь, — сказала она. — Ты Ых-миф-нивнг, житель земли Ых-миф. Когда ты вырастешь, я жду от тебя подвигов, — сказала женищина, и мальчик вновь услышал жужжанье»* [5, с. 158]. Важно отметить, что в данном нагунде дочь доброго духа не выступает в роли постоянного помощника на протяжении всего повествования, а появляется в финале как невеста, после того как герой прошёл ряд испытаний: *«Эта женищина — добрый дух моря, Дочь хозяина моря — старца Тайхнада. Это она, обернувшись мухой, прилетала к тебе. Я породню людей Ых-мифа с добрым духом моря. И тогда жители Ых-мифа и их дети не будут знать голода: к их берегам пойдут неисчислимые косяки рыбы и стада нерп»* [5, с. 175].

Схожий мотив прослеживается в т'ылгуре «О юноше без родственников», где девушка также оказывает помощь герою посредством напутствий: *«В полночь девушка притронулась к его руке и сказала: — Завтра утром, когда пойдёшь в тайгу, не спеши. Иди вслед за старшими охотниками. Пусть они удаляются, не бойся заблудиться — я прослежу, чтобы ты не сбился с пути. Иди не спеши и придёшь точно к месту охоты»* [5, с. 108]. Примечательно, что помощь оказывается даже во сне, что подчёркивает потустороннюю природу героини: *«Однажды ночью он увидел сон: девушка, дочь Тайхнада, говорит ему: — Что же ты не ставишь ловушки? Твои тести отчаялись и скоро уйдут из тайги. Пора ставить»* [15, с. 113]. Несмотря на общие черты, проявляющиеся в функции помощника, данные образы дочерей обладают нетипичными для данной роли характеристиками. В отличие от предыдущего примера, дочь Тайхнада из «Юноши без родственников» не становится женой героя, а оказывает ему содействие в поиске невесты, выступая в роли советчика и наставника, не преследуя личного интереса.

В т'ылгуре «Ымхи и ахмалки» образ дочери Тайхнада претерпевает трансформацию. В данном тексте она выступает не помощником, а носителем правосудия, наказывая жадного тестя. Героиня мстит за своего отца, подвергнувшегося несправедливому отношению. В акте возмездия девушка лишает охотника добычи: *«Она не смотрела в сторону охотников. Шла и звала, как щенков: — Кыть-кыть-кыть». И со всех склонов и распадков, из кустов и из-под валежин, из расщелин и нор выскочили соболи, окружили девушку-красавицу, идут вместе с нею. А она все зовёт: — Кыть, кыть, кыть». И вдруг все соболи, которых старший ахмалк хранил в амбарах, ожили и присоединились к большому стаду»* [5, с. 69]. Наряду с неземной красотой, дочь Тайхнада наделена сверхъестественными способностями, что акцентирует её нечеловеческое происхождение: *«Ступит девушка — на одной сопке, ступит второй раз — уже на другой сопке. А вместе с нею перелетает от сопки к сопке стадо соболей»* [5, с. 69].

В исследуемом материале выделяется тип «невеста», часто пересекающийся с типом «дочь–сестра». Этот образ, представленный в четырёх текстах, характеризуется необычайной красотой героинь, выступающих своеобразным «даром» для юношей, прошедших испытания. Свобода выбора невест ограничена, подобно образу «дочери»; однако они способны влиять на решение отца, например, разделив трапезу с героем (согласно нивхскому обычаю, совместная

трапеза подразумевает согласие на брак). Архаичные представления о женщине как о существе потустороннем проявляются в частотном мотиве оборотничества, отсутствующем лишь в одном тексте. Рассмотрим два т'ылгура, иллюстрирующих эти особенности.

В т'ылгуре «Человек и тигр» невеста – сестра спасённого героем человека-тигра из рода Пал-нивгун, обладающего способностью к оборотничеству (превращению в животных во время охоты, битвы и сна). Сюжет, возможно, заимствован у других тунгусо-маньчжурских народов или материковых нивхов. Текст описывает взаимную трансформацию человека и тигра: продолжительное проживание среди Пал-нивгун и принятие их пищи приводит к превращению в тигра, а для обратного превращения героини в человека необходим ритуал: *«Старик хозяин сказал охотнику: “— Не доходя до своего стойбища, сруби балаган и оставь мою дочь в нём. Попроси древних стариков и старух, чтобы они пришли к ней. Пусть её кормят едой людей. Шесть дней пробудет она в балагане. Шесть дней будет есть пищу людей. Тогда моя дочь навсегда станет человеком”»* [5, с. 97]. Несмотря на оборотническую природу, невеста отличается красотой и покорностью, подчиняясь воле отца и брата. После ритуала она становится женой охотника.

В т'ылгуре «Ловец форелей» образ невесты демонстрирует отклонение от ранее рассмотренных типов, обнаруживая сходство с образом жены. Знакомство героя с героиней происходит в контексте, нарушающем традиционные представления о женском поведении: *«И увидел необычное: в реке купаются две женщины. Плавают они, резвятся. И человек подумал: “— Что за женщины? Нивхские женщины не умеют плавать. Кто же они?”»* [15, с. 139]. Божественное происхождение сестёр, дочерей «Хозяина неба» – Клы-ызнга, подчёркивает их исключительный статус. Для брака со старшей сестрой ловец форелей проходит три испытания, превосходящие по сложности даже те, что выпадают на долю «самых богатых небесных людей».

В легенде наглядно представлена некая свобода воли девушки. Сначала героиня отговаривает мужчину от сватовства, боясь испытаний, которые приготовил для него отец, но после того, как герой всё же решается отправиться на небо и попытать удачу, она сама встречает героя в небесном царстве и делит с ним приготовленную еду. Героиня не лишена сочувствия, перед каждым испытанием, которое выпадает на долю человека, она плачет и переживает, жалеет своего жениха. Сочувствие и переживания героини, выраженные в плаче, сближают её образ с типом «жена», для которого характерен подобный мотив скорби по ушедшим на испытания мужчинам. Испытание проходит вместе с мужчиной и невеста. Так, она отказывается не только от родителей, чтобы быть рядом с возлюбленным, но каждый раз, когда провожает его, она отказывается от еды и воды, находясь в состоянии между жизнью и смертью: *«— Я ничего не буду есть. Я отказываюсь от отца-матери. Лучше умереть, чем жить без ловца форелей. Я не знаю, люблю его или жалею. Но только о нём думаю день и ночь»* [15, с. 141]. Но как только ловец форелей возвращается с последнего испытания, невеста снова возвращается к жизни. Данный т'ылгур впервые демонстрирует явное противостояние героини воле родителей, что выходит за рамки традиционной нивхской картины мира.

Таким образом, героини данных типов имеют как схожие, так и отличительные черты. Они могут выступать в роли главных героев или второстепенных персонажей. Женщины типа «дочь–сестра» хранят и чтят традиции предков, выполняют функции, соответствующие их положению в семье, исполняют волю родителей. Наравне с этим могут проявлять самостоятель-

ность, они наделены силой, смекалкой и умом. В мифах и легендах часто выступают в роли помощников героя. Подчёркивается их красота и статусность. Можно сделать вывод о ярком развитии именно этого женского образа. Героини типа «невеста» также разнообразно представлены в фольклоре нивхов. Героини наделены красотой, силой и необычным происхождением. Но если одни девушки покорно исполняют волю своих родителей, то другие готовы пойти наперекор и показать свою независимость.

Женские образы являются неотъемлемой частью нивхской мифологии, отражая их социальные ценности, идеалы красоты и мудрости, а также их духовные представления. Мотивы, общие для различных культур, свидетельствуют о глубокой связи нивхского фольклора с более широкими мифологическими и культурными традициями. Это подчёркивает универсальность и многогранность образов женщин, которые сохраняют свою значимость и актуальность на протяжении веков.

Кроме того, важно отметить, что женские образы у нивхов выполняют значимую воспитательную функцию. Они служат примером для подрастающего поколения, воплощая в себе идеалы и нормы поведения, которые ценятся в нивхском обществе. Через рассказы и легенды передаются важные уроки морали, стойкости и взаимопомощи. Женщины в этих рассказах часто проявляют необычайную силу духа и мудрость, показывая, что настоящая красота заключается не только во внешнем облике, но и во внутренней силе и способности к самоотверженности.

В заключение отметим: анализ произведений В.М. Санги показал стремление автора сохранить аутентичность и уникальность нивхского фольклора, при этом адаптируя его для современного читателя. Это способствует популяризации и сохранению нивхской культуры в условиях глобализации и угрозы исчезновения малых народов. Образы дочерей, сестёр, невест в произведениях талантливого писателя служат мостом между традициями прошлого и современностью, способствуя пониманию особенностей и ценности богатого культурного наследия нивхов.

Список литературы

1. Кун Н.А. Легенды и мифы древней Греции. М.: Просвещение, 1975. 463 с.
2. Подмаскин В.В. Космография тунгусо-маньчжуров и нивхов // Вестник ДВО РАН. 2004. № 1. С. 94–105.
3. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. С. 88–92. (Вопр. поэтики; Вып. XII).
4. Пропп В.Я. Сказка. Эпос. Песня. М.: Лабиринт, 2001. 367 с.
5. Санги В.М. Легенды Ых-мифа. М.: Советская Россия, 1967. 222 с.
6. Таксами Ч.М. Словарь нивхско-русский и русско-нивхский: около 4000 слов: пособие для учащихся начальной школы. СПб.: Просвещение, 1996. 205 с.
7. Фетисова Л.Е. Повествовательный фольклор коренных народов Амуро-Сахалинского региона: своеобразие и взаимодействие традиций. Владивосток: Дальнаука, 2018. 202 с.
8. Фетисова Л.Е. Ценностные ориентиры в традиционной культуре нивхов (по материалам устного народного творчества) // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/6-16>

References

1. Kuhn N.A. Legends and myths of ancient Greece. M.: Prosveshchenie Publ., 1975. 463 p. (In Russ.).
2. Podmaskin V.V. Cosmography of the Tunguso-Manchzhurians and Nivkhs. *Vestnik of Far East Branch of the Russian Academy of Science*, 2004, no. 1, pp. 94–105. (In Russ.).
3. Propp V.Ya. Morphology of the fairy tale. *Voprosy Portiki*. Vol. XII. L.: Academia Publ., 1928. P. 88–92. (In Russ.).
4. Propp V.Ya. Fairy tale. Epic. Song. M.: Labyrinth Publ., 2001. 367 p. (In Russ.).
5. Sangi V.M. Legends of the Yh-myth. Moscow: Soviet Russia Publ., 1967. 222 p. (In Russ.).
6. Taksami Ch.M. Dictionary of Nivkh-Russian and Russian-Nivkh: about 4000 words: a manual for elementary school students. SPb.: Prosveshchenie Publ., 1996. 205 p. (In Russ.).
7. Fetisova L.E. Narrative folklore of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region: originality and interaction of traditions. Vladivostok: Dalnauka Publ, 2018. 202 p. (In Russ.).
8. Fetisova L.E. Value Orientations in the traditional culture of the Nivkhs (based on the folklore materials). *Oriental Institute Journal*, 2021, no. 3, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/6-16>

Статья поступила в редакцию / Received 25.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 14.05.2025

Принята к публикации / Accepted 17.05.2025